

Steven Levitsky, Daniel Ziblatt

How Democracies Die

What History tells us about our future

New York: Crown, 2018

Проблематика демократии по праву занимает первое место в списке вопросов, которые волнуют современных политологов. Последние десятилетия, характеризовавшиеся распространением демократии в различных частях земного шара, вызвали бум исследований, посвященных динамике политических режимов — как становлению демократии, так и возникновению различных недемократических альтернатив. Вместе с тем крах демократий оказывался в центре внимания специалистов довольно редко: масштабный сравнительно-исторический анализ “Крушение демократических режимов” под редакцией Хуана Линца и Альфреда Степана, опубликованный в 1978 году, до самого последнего времени оставался едва ли не единственным систематическим исследованием провалов демократии в XX веке, начиная от Веймарской Германии и заканчивая Чили эпохи Альенде и Пиночета¹. Новая книга гарвард-

ских профессоров Стивена Левицки и Даниэля Зиблатта в известной мере была призвана заполнить эту научную лагуну, хотя причины, вызвавшие ее появление на свет, оказались не столько академическими, сколько политическими. Избрание Дональда Трампа президентом США в 2016 году, ставшее вызовом для различных кругов общественности, породило глубокие опасения по поводу будущего демократии — как в Америке, так и во всем мире. Книга Левицки и Зиблатта пытается не только выявить симптомы кризиса демократии в современном мире, но и поставить диагноз нынешней тяжелой (возможно, смертельной?) болезни, а также дать прогноз ее дальнейшего развития.

Оба автора книги широко известны в академических кругах. Левицки, специалист по Латинской Америке, является соавтором (совместно с Луканом Вэем) популярной концепции “соревновательного авторитаризма”²,

¹ *The Breakdown of Democratic Regimes*, 3 Vols. // LINZ J.J., STEPAN A. (Eds.) Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1978

² LEVITSKY S., WAY L.A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press, 2010.

а Зиблатт опубликовал ряд работ, посвященных политической динамике стран Европы в XIX — середине XX века³. Их новая книга рассчитана скорее на массовую аудиторию и написана в доступном широкому читателю стиле. В отличие от Линца и Степана, которые писали о падении демократий в XX веке под ударами извне, в результате захвата власти в ходе военных и государственных переворотов, Левицки и Зиблатт рассматривают в качестве главной угрозы демократии ее перерождение изнутри — в том случае, если демократические процедуры приведут к власти авторитарных лидеров. Помимо Трампа, который, как и следовало ожидать, занимает в книге наиболее заметное место, авторы анализируют траектории таких лидеров, как Альберто Фухимори в Перу, Уго Чавес в Венесуэле, Виктор Орбан в Венгрии и Владимир Путин в России. Общее у всех этих политиков, по мнению Левицки и Зиблатта, в том, что, придя к власти, они целенаправленно и систематически уничтожали сдержки и противовесы (будь то свободная пресса или независимые суды) на пути к неограниченному господству, произвольно меняли в свою пользу “правила игры” (такие как конституции и избирательные законы), кооптировали одних представителей оппозиции и преследовали других и при этом не встречали серьезного сопротивления со стороны демократических политиков. Почему же многим современным демократиям так и не удалось успешно выработать иммунитет к авторитарному перерождению?

Левицки и Зиблатт анализируют различную реакцию демократий на “авторитарное поведение” тех политиков, которые склонны:

- отвергать неприемлемые для них демократические “правила игры”,
- отрицать легитимность своих политических оппонентов,
- проявлять толерантность к насилию, а то и поощрять его,

³ ZIBLATT D. *Structuring the State: The Formation of Italy and Germany and the Puzzle of Federalism*. Princeton: Princeton University Press, 2006; ZIBLATT D. *Conservative Parties and the Birth of Democracy*. New York: Cambridge University Press, 2017.

■ готовы ограничивать свободы оппонентов, включая СМИ.

Такие политики в условиях демократии чаще всего выступают аутсайдерами по отношению к политическому мейнстриму, но в целом ряде случаев основные политические партии склонны поддерживать авторитарных политиков или по меньшей мере не препятствовать им. Вместе с тем авторитарные политики часто пользуются поддержкой довольно значительного числа сограждан — по мнению авторов, доля их сторонников среди американских избирателей в XX веке порой доходила до сорока процентов. Именно поэтому Левицки и Зиблатт говорят о необходимости создания межпартийных альянсов в защиту демократии и объединения всех принадлежащих к мейнстриму политических сил, независимо от их идеологических предпочтений, — с тем чтобы не допустить к власти авторитарных экстремистов (примерами такого объединения для них служат Финляндия и Бельгия в период между мировыми войнами). Однако барьером для построения подобных альянсов оказывается политическая поляризация: если предпочтения левых и правых партийных элит решительно невозможно примирить друг с другом (как в Веймарской Германии или в Чили времен Альенде), главным приоритетом становится борьба за власть с оппонентами, а стремление сохранить демократию может отойти на второй план. На фоне поляризации возрастает и массовая поддержка авторитарных политиков, которым часто удается мобилизовать достаточную долю избирателей, чтобы прийти к власти, после чего эрозия, если не полный крах демократии становятся неизбежными и порой необратимыми.

Левицки и Зиблатт утверждают, что политические элиты и партийные лидеры в демократиях призваны выступать своего рода “стражниками”, которые закрывают авторитарным политикам дорогу к власти. Успех этой миссии во многом зависит и от институциональных механизмов — таких как писанные и неписанные конституции и другие “правила игры”. В контексте США авторы уделяют немалое внимание

роли Верховного Суда (который подвергался сильному давлению со стороны Рузвельта в 1930-е годы и сегодня уязвим перед попытками республиканских политиков усилить над ним контроль) и особенно роли партийных “праймериз”. Механизм номинации кандидатов на пост главы государства за последние полвека претерпел немалые изменения: роль партийных элит в этом процессе резко снизилась, открывая дорогу политическим аутсайдерам, способным бросить вызов не только представителям истеблишмента, но даже демократии как таковой. Именно это и произошло в США в 2015–2016 годах: Республиканская партия, находившаяся в глубоком кризисе в силу внутренних противоречий, поддержала выдвижение на пост президента Дональда Трампа, который не только не обладал опытом и квалификацией для занятия президентской должности, но и открыто демонстрировал “авторитарное поведение”, тем самым создавая серьезные угрозы американской демократии. Левицки и Зиблатт полагают, что даже по окончании президентства Трампа эти угрозы не будут преодолены, а, напротив, могут лишь усилиться. Причина — в деструктивной, по их мнению, деятельности республиканцев, поскольку те склонны поддерживать антидемократические шаги нынешнего президента в расчете на то, что он, в свою очередь, поддержит ряд партийных инициатив (прежде всего налоговую реформу) и это усилит позиции республиканцев в ходе очередных электоральных циклов. В результате поляризация американского общества может лишь возрасти, повышая риск прихода на смену Трампу иных, возможно еще более авторитарных лидеров.

Суммируя, можно утверждать, что рецепт сохранения демократии, предложенный Левицки и Зиблаттом, предполагает:

- сплочение политического мейнстрима и партийных элит против авторитарных политиков-аутсайдеров;
- снижение политической поляризации с тем, чтобы ограничить шансы аутсайдеров заручиться широкой массовой поддержкой.

Эта аргументация, выстроенная на примере

США и ряда стран Латинской Америки, хорошо знакома и российским читателям, многие из которых еще помнят неожиданный успех Либерально-демократической партии России на выборах 1993 года в Государственную Думу и масштабную кампанию по сплочению истеблишмента и избирателей вокруг фигуры Бориса Ельцина на президентских выборах 1996 года. Глядя на этот опыт России из конца 2010-х годов, поневоле приходится усомниться в оправданности рецепта гарвардских профессоров. Скорее, ему присущи настолько фундаментальные недостатки, что лекарство может оказаться еще хуже болезни. Прежде всего, сам рецепт Левицки и Зиблатта внутренне противоречив. Известная политологам пространственная теория голосования (*spatial theory of voting*) предполагает, что сплочение различных сил из политического истеблишмента вокруг сходных позиций по наиболее значимым проблемам (неважно, идет ли речь об экономической политике, миграции, защите меньшинств или о чем-то ином) как раз и провоцирует поляризацию предпочтений избирателей: аутсайдеры, независимо от их собственных предпочтений, получают возможность привлечь на свою сторону всех тех, кто не согласен с точкой зрения истеблишмента⁴. Не случайно среди избирателей, голосовавших за Трампа, оказалось не так мало сторонников его идейного оппонента, левого демократа Берни Сандерса. Более того, стремление истеблишмента исключить из политического процесса политиков-аутсайдеров и их сторонников может повлечь за собой ничуть не меньшие вызовы для демократии. Собственно, Левицки и Зиблатт в своем обзоре американской политической истории сами приводят примеры, когда такое исключение подрывало демократические принципы. В конце XIX века как демократы, так и республиканцы из опасений перед расширением чернокожего электората на американском Юге пошли на то, чтобы фактически лишить избирательных прав большинство афроамериканцев в южных штатах, — эта практика была отменена под давлением движения

4 См. обзор: АХРЕМЕНКО А. Пространственное моделирование электорального выбора // Полис. 2007, №1, С. 153–167.

за гражданские права лишь в 1960-е годы (на этом основании Левицки и Зиблатт считают, что политический режим США этого периода не может считаться полностью демократическим). Еще более примечательный пример — маккартизм конца 1940-х — начала 1950-х годов, когда американский политический истеблишмент выступал единым фронтом за то, чтобы приверженцы левых идей были исключены не только из политической, но и из общественной жизни США.

В более общем плане альянсы, призванные перекрыть аутсайдерам доступ к власти, по словам Адама Пшеворского, запросто могут стать “картелями”, которые ограничивают конкуренцию, преграждают соперникам путь к успеху и распределяют среди своих выгоды, связанные с политической властью. Тогда демократия с легкостью превращается в частное предприятие лидеров нескольких политических партий и корпоративных союзов — в олигополию, или сговор с целью исключения посторонних⁵. Российский американист Иван Курилла в этой связи как раз и рассматривал избрание Трампа как асимметричный ответ американских избирателей на угрозу становления своего рода наследственной олигархии, символами которой становились семейства Бушей и Клинтонов. Он подчеркивает, что приход к власти аутсайдеров — отнюдь не новое явление в политической жизни США, проводя параллели с избранием на пост президента Эндрю Джексона. В далеком 1828 году главой американского государства стал кандидат, выступавший против истеблишмента, что тогда (как и сегодня) воспринималось как конец демократии в стране. Однако именно его президентство привело к расширению участия масс в американской политике, а созданная в ходе избирательной кампании Джексона коалиция его сторонников стала основой Демократической партии, существующей в США и по сей день. Упрек, который бросает Курилла американским правящим кругам, которые “недалеко ушли от своих российских партнеров, считающих, что реформы важнее демократии и что

народу нельзя давать слово — якобы в этом случае к власти придут фашисты”⁶, вполне мог бы быть адресован и авторам рецензируемой книги.

Если отвлечься от фактической стороны вопроса, то проблема многих авторов, которые пишут о кризисе демократии или даже о ее предстоящей смерти (Левицки и Зиблатт здесь не одиноки), состоит в смешении двух измерений демократии — электорального и либерального. В самом деле, если демократия — это не более чем инструмент, обеспечивающий честную борьбу элит за голоса избирателей, то избрание президентом антилиберального и антиинтеллектуального Трампа (или, скажем, победа партии Fidesz Виктора Орбана на недавних парламентских выборах в Венгрии) более или менее укладывается в рамки общепринятых норм свободных и справедливых выборов и как таковое никакой угрозы демократии не содержит. Но если говорить о демократии как о средстве достижения либеральных идеалов экономического развития, социального равенства и/или защиты прав меньшинств, то надо честно признать, что демократия не всегда способствует успешному решению этих проблем лучше, чем авторитарные режимы, нравятся нам это или нет. Во второй половине XX века средние темпы экономического роста в демократиях и в авторитарных режимах были почти одинаковыми, но при этом если демократии росли по большей части медленно, но относительно устойчиво, то авторитарным режимам был присущ куда больший разброс результатов⁷.

Не следует ждать, что демократия сама по себе — священный Грааль или такое волшебное средство, которое обеспечивает достойную жизнь всем и каждому. Тем более не стоит делать вывод, что недовольство избирателей демократическим истеблишментом и тем политическим курсом, который он проводит, непременно ведет к глубокому

5 ПШЕВОРСКИЙ А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 134.

6 Курилла И. *Американская революция // 7 дней*. 2016, 11 ноября. URL: <https://7days.us/ivan-kurilla-amerikanskaya-revoluciya> (доступ 12.04.2018).

7 PRZEWORSKI A., ALVAREZ M., CHEIBUB J.A., LIMONGI F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World*. New York: Cambridge University Press, 2000.

кризису, а то и к коллапсу демократии (такой исход возможен, но не предопределен). Демократия, подобно медицинской страховке, всего лишь снижает риски провалов, которые намного выше в результате “недостойного правления” в условиях авторитаризма⁸, и не более того (но и не менее). Поэтому, говоря о судьбе американской демократии, стоит прислушаться не только к алармистским прогнозам Левицки и Зиблатта, но и к мнению Куриллы, который предполагает, что в обозримом будущем “вероятно, США станут менее либеральной страной, но при этом более демократической”⁹.

Преувеличены ли слухи о смерти демократии в современном мире? Ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден: слишком многие угрозы, казавшиеся немыслимыми еще недавно, встают сегодня на повестку дня, и угрозы выживанию демократий со стороны авторитарных аутсайдеров, о которых пишут Левицки и Зиблатт, — далеко не единственные. Тем не менее авторы правы в том, что в условиях демократии политики все же способны находить пути к сотрудничеству с целью преодоления этих и иных опасностей. В последние годы одной из наиболее серьезных новых угроз для демократий становится

агрессивная внешняя политика России, нацеленная на подрыв не только международного порядка, но и политических режимов многих демократических государств (порой Россия строит политику и выбирает союзников в различных странах мира по принципу “враг моего врага — мой друг”). И как знать, возможно, именно организованное противостояние российской агрессии позволит демократиям снизить внутривнутриполитическую поляризацию и создать прочные альянсы на основе консенсуса против исходящей от России угрозы — перед лицом которой могут отступить партийные разногласия. Объединение на этой основе может оказаться более успешным, нежели те решения, которые предлагают в своей книге Левицки и Зиблатт. Подобный подход, направленный на сдерживание агрессии против демократии и воспринимаемый в России исключительно негативно, для переживающих нынешний кризис демократий Запада может стать своего рода антибиотиком, способным если не вылечить демократии от присущих им болезней, то по крайней мере снизить риски летальных исходов.

Владимир Гельман

8 GEL'MAN V. *Political Foundations of Bad Governance in Post-Soviet Eurasia: Toward a Research Agenda* // *East European Politics*. 2017. Vol. 33, № 4. P.496–516.

9 Курилла И. *Цит. соч.*